

НЕПРЕКЛОНИМЫЙ

Читатели «Аргументов недели» хорошо знакомы с творчеством Виктора Трифоновича Слипенчука. Его произведения неоднократно публиковались на наших страницах. Редакция искренне гордится дружбой с этим прекрасным писателем и удивительным человеком. На этой неделе нашему другу-мудрецу исполняется 80 лет!

МОЖНО было бы назвать этот возраст преклонным. Но, глядя на Виктора Трифоновича, язык не поворачивается произнести эти слова. И дело даже не в том, что он бодр и крепок телом. Дело скорее в странном на первый взгляд сочетании в этом человеке — юн душой и зрел умом. Ведь нередко мудрость приходит вместе с унылостью и ленью, тяжестью на подъём, выливаясь в назидательные, ворчливые, без сомнения полезные, но такие скучные проповеди!

Проза, стихи и публицистические очерки Виктора Трифоновича Слипенчука совсем другие. В них мудрость сочетается с каким-то совершенно детским любопытством, а глубокое знание человека, процессов, которые руководят человеческой жизнью и людскими стремлениями, влекущими человечество, органично сочетается с ясностью и свежестью мысли, умением вычленив из сто раз описанного новую пронзительную ноту, взглянуть на обыденное под необычным углом.

Иные писатели — неплохие писатели — подобны лёгкому бризу. Они освежают читателя, но неустойчивы, часто меняют направление, влияние их непрочно, и дуют

они только при хорошей погоде. Творчество Виктора Слипенчука в этом плане можно сравнить скорее с летним тропическим муссоном. Мощные, постоянные, непреклонные, эти ветра рождаются в сердце океанов и, прежде чем достигнут берегов, напитываются всей силой и космической океанской мудростью. Так и слово Слипенчука несёт читателю опыт и мудрость, накопленные им за долгую и непростую жизнь.

Он когда-то начинал простым матросом на рыболовецком траулере и быстро поднялся до первого помощника капитана супертраулера. Виктор Трифонович не из тех писателей, что пишут свои истории исключительно из головы. Или, мельком изучив какую-то тему, делают о ней выводы «космического масштаба и порой космической же глупости». Он знает жизнь глубоко изнутри. Кроме работы на океанском траулере Слипенчук был и слесарем, и геологоразведчиком, и зоотехником, и бетон-

щиком. Даже уже начав публиковаться, он продолжал работать в самой гуще жизни, которая тогда кипела отнюдь не на улицах Москвы, а в тайге, на молодёжных стройках и гигантских заводах.

Как говорит сам Виктор Трифонович, он человек двух эпох — русской и советской. Глядя в будущее, он не собирается отказываться от прошлого. Наверное, поэтому в его рассказах и повестях нет ни имперской бравады, ни обличительного пафоса борцов с «совком». Его герои живут на своей земле в своё время, но они как бы над временем. Они очень русские. Через них Писатель не только рассказывает нам, но и сам постигает течение времени и пространства в той части света, что зовётся Россией.

Особую достоверность его героям и их поступкам придаёт то, что сам автор прожил свою жизнь вместе со своей страной, не избегнув ни взлётов, ни падений, пропустив через себя всё, чем жили Советский Союз и Россия. Он не парил над событиями, наблюдая их свысока и равнодушным пером фиксируя пролетающее внизу. Он в этих событиях участвовал сам, непосредственно на собственной шкуре ощутив и человечность советских людей, и лицемерие советских властей и чиновников, и кухонные сплетни, и взгляды, устремлённые в небо, и надежды на пе-

ремены, и лютую подлость, которой эти перемены обернулись, и свежесть нового ветра, и дыхание холодных стен, тормозящих этот ветер. И всё это фиксировал его взгляд, переключая на чистый лист бумаги, оставляя потомкам и современникам приметы эпохи, пропущенные сквозь его восприятие.

Писатели не питаются цветочным нектаром, не почивают на ложе из лепестков роз. Они точно так же едят борщ и котлеты, спят на диване, гуляют с внуками, встречаются с друзьями, платят за газ и за свет. Но параллельно с бытовой повседневностью где-то внутри идёт постоянный процесс, который называется творчеством. Писатель не может отдохнуть, его рабочее место постоянно с ним, в голове. И прежде чем вылиться на бумагу или на экран компьютера, мысль долгое время — иногда часами, а иногда и годами — варится в этом котле, обретая законченную форму. Но если бы Виктор Трифонович писал только «из головы», не о чем было бы и говорить — умников у нас пруд пруди. Его филигранная техника работы со словом пропущена через большое сердце. И через память.

Умение Писателя найти верную струну, среди какофонии близких и далёких времён вычленив правильную ноту, воспринять её и передать нам поражает. Это умение и есть то, что отличает ум от Мудрости.

Виктор Трифонович прожил большую жизнь. Но вряд ли годы его можно назвать преклонными, потому что сам он непреклонен в своём творчестве. И если уж продолжать играть словами, то перед его талантом хочется преклонить колени.

Редакция «Аргументов недели» рада, что такой человек является нашим другом и публикует свои произведения в нашей газете. Мы поздравляем Виктора Трифоновича Слипенчука с днём рождения и всегда рады видеть его у нас в гостях — и в редакции, и на наших страницах. С днём рождения!

К 80-летию Виктора Слипенчука выходит собрание сочинений его произведений в 8 томах. 21 ОКТЯБРЯ в Большом зале ЦДЛ состоится презентация 1-го тома.

К юбилею Виктора Слипенчука мы публикуем подборку его ранних произведений, написанных с 1963 по 1967 год, когда, по признанию самого Виктора Трифоновича, он не писал и даже не помышлял о прозе.

Здравствуй, простор широкий!

Сидел я на обочине дороги,
Среди полей, угасших без воды,
И длинный день,
Как порожняк, в итоге
Бесславно уходил из Кулунды.

Районный «газик»
Пропылел сторонкой.
Я видел озабоченные лица
И не заметил сразу жеребёнка,
Явившегося вместе с кобылицей.

Они шагали медленно и грустно,
И кобылица глаз не поднимала,
Хоть обещанье сына
Быть послушным
Она, как мать, всецело одобряла.

Ей было стыдно
За свои бега,
Ведь не она ль ребёнку обещала
Сводить его на сочные луга,
Где в молодость свою она гуляла.

Откуда знать ей было, кобылице,
Про новую политику страны,
Про орден
В председательской петлице —
За освоенье трудной целины.

Они прошли,
Остановились — дважды,
Она глядела долго вдоль межи.
Потом заржала тихо и протяжно,
Как будто вопрошала — подсажи.

Ты ж — человек,
Ты понимаешь больше...
И уронила крупную слезу.
Как объяснить ей,
Что и я — лишь лошадь
В политике, которую везу.

***

Полночь тёмно-синяя. В тишине
Крупные, как яблоки, звёзды светят
Низко так, что чудится, можно мне
Палкою сбивать их, с крыши свесясь.

Я иду по тропочке за сады.
Там меня Николка с другом встретят.
Зачерпну из озера я воды,
Звёздами оттянется край берета.

Мы напьёмся досыта той воды,
И она поможет нам расхрабриться,
Мы мируем полозом злой пустырь...
Яблоки колхозные, как жар-птицы.

Раз и два — за пазуху, раз и два.
Сторож нас почует, и вдогонку
Соль забарабанит, и трава
Хлестанёт по пяткам зло и звонко.

Я бегу во дворик свой, отдышусь.
Яблоки колхозные — всё забава,
Но, однако, прежде чем спать решу,
Выпущу в свой садик волкодава.

***
Я кружу по городу, как Шагал.
Вдоль и поперёк его исшагал.

Пищу для этюдника, Господи,
Бедному художнику где найти?

Красок не имеется. Нет холста.
Звонкая в кармане лишь пустота.

Осень разделась — на миллион,
Чем изобразить тебя, милый клён.

На каком прикажешь, на холсте,
Всё моё богатство в нищете.

Под ногами золото. На все сто —
Дуб сыграл в жёлуди, как в лото.

Скоро выйдет с Севера — Орион.
Осень проиграет свой миллион.

В серебристый иней, во траву,
Сбросит дуб последнюю листву.

Но тогда, об Осени не скорбя,
Я срисую Осень, сам — с себя.

ВОЗРАСТ МУДРЕЦА

***

Мой друг сорвал нашивки
капитана,
Мой друг сошёл на берег навсегда,
Оставив нам величие океана
И доблесть невоспелого труда.
Ещё оставил знание баркаса
И карту, что для нас нарисовал —
В прибрежных водах
пятен белых масса,
Он эти пятна нам затушевал.
Он шёл домой, сияли на рассвете
Леса сетей капроновых пустых.

Он шёл домой, познавший всё
на свете,
Но не познавший радостей
простых.

Жена ушла, собака нынче сдохла,
А сад вдруг стал по осени цвести.
Но если б липа детства не засохла,
То это б всё он смог перенести.

Идёт домой, в ужасное болото,
Нам нечего сказать, и мы молчим.
И только лишь сентябрь,
Наш представитель флота,
Весь в золоте шагает вместе с ним.

Барабанщик

Наш ротный барабанщик
Такой большой чудак,
Наш ротный барабанщик
С улыбкою всегда.
Наш ротный барабанщик
С усиками-клин,
Наш ротный барабанщик
Лёва-армянин.

И то, что плохо знает
Он наш язык, — обман.
Его мы понимаем,
Играл бы барабан.
Его мы понимаем,
И если он в строю,
То нашу роту просто
По шагу узнают.

Но иногда в субботу,
В час отдыха солдат,
Вдруг загрустит о чём-то
И словно виноват...
И словно в барабане
Вся грусть его живёт,
Встряхнёт его, ударит
И тихо запоёт.

Слова, нам непонятные,
На ротном барабане
Ясность обретают.
И слышно, как устало
В далёком Ереване
Яблоко упало.

Яблоко упало,
Скатилось под окно,
А молодой хозяин
В армии давно.
И мы грустим о доме,
Каждый о своём.
И слова Армении
По-русски мы поём.

А завтра утром снова,
Заря чуть зацветёт,
Нас барабанщик Лёва
Вдоль плаца поведёт.
И то, что плохо знает
Он наш язык, — обман.
Его мы понимаем,
Играл бы барабан.

Чингис-Хан

(Отрывок из поэмы)

Багрянец лежал на стене,
И тень от костра мешала
Увидеть, что это не отсвет,
А кровь на ней выступала.

Но окровавленность стен
Песней была лишь встречена
Про голубой Керулен
И никем не замечена,

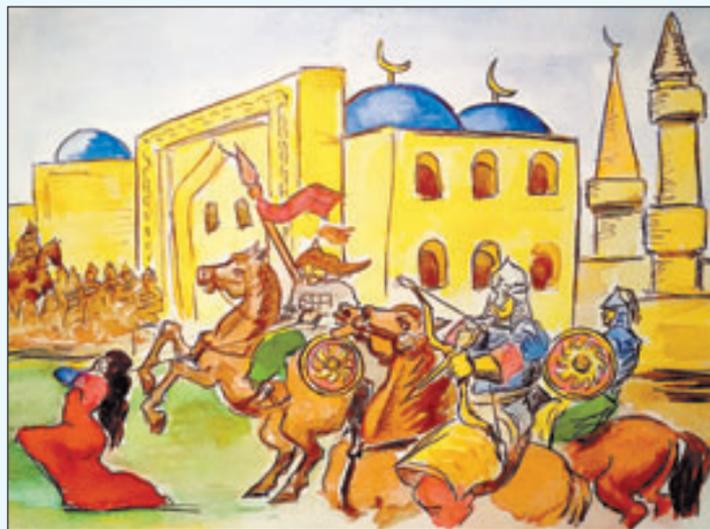
Кроме него, Кагана,
Вершителя всей Вселенной, —
Он видел, как над Кораном
Духи прошли сквозь стены.

«Что же, великий вождь,
Отверг золотые дары,
Желаннее золота рожь
Поверженной Бухары?»

Желаннее смеха — плач,
Желаннее встреч — разлука,
Поведает пусть палач,
Где — побратим Джамуха?

Где — названный твой отец,
В собольей дохе Ван-Хан,
В чём сила твоя, хитрец,
По имени Чингис-Хан?

О, как на пиры скоры!
О, скудная жизнь людская!

Устои твои потрясая,
Гибнет народ Бухары».

Слушал их Вождь-Вождей,
И мысли его мутились,
И в красной, как медь, бороде
Пальцы едва шевелились.

«Сила моя в доверии,
Пусть каждый помнит о том —
Нельзя никому в империи
Иметь монгола рабом,

Иметь монгола слугою —
Державы в его руке.
Я правлю его рукою,
Монголы — *народ кекэ**».

Доспехов кожанный ворот,
Кольчуга, стрела и лук.
Гибнет прекрасный город,
Город книг и наук.

* *Народ кекэ* — самый первый
из всех живущих на земле.

Родительский день 1967

Пусть этот день страна забыла
В календари свои внести.
Мы всё равно пришли к могилам,
Покой душевный обрести.

Мы не забыли в скорбном тлене
Далёких близких и родных,
И люди плачут на коленях,
И я не осуждаю их.

Я сам, как все здесь, плачу тоже
Навзрыд, не зная почему.

Из русских кто рыдать не может —
Войной обучены всему.

Но горем я не упиваюсь,
Я просто плачу от весны.
Сквозь слёзы дядьке улыбаюсь —
Он был весёлым до войны.

Я просто плачу, что устало
Старик лопатку очищает
И после, словно одеяло,
Могилку внука поправляет.

Что, обнажая горечь дней,
На холмик водку льёт юнец
И горько плачет:
— Папка, пей,
Пей, папка, вдоволь наконец.

И тонут в этом плаче беды,
И свято верю, говоря:
— Великий праздник
День Победы
Совпал с Родительским — не зря.

Пусть он нигде не обозначен
В календарях, что из того?!
Мы в этот день поём и плачем,
Чтоб не случилось ничего.

Человека пытали
В застенках советских —
Заставляли признаться в измене.
А на улицах май встрепенул на ветках
Узким листиком сонных растений.

Человеку казалось,
Что всё это бред —
Люди в форме, звёзды, винтовки,
Но зачем-то лежал на столе партбилет,
Славный отблеск далёкой маёвки.

Человек улыбнулся,
В ресницах глаз
Шевельнулась слеза, оживая, —
В первый раз он не мог,
В первый раз,
В первый раз!
Он не встретил Первое мая.

Человека толкнули прикладом в плечо,
Мотыльки засверкали, как ливень, —
У нас могут, могут ещё
По-кулачки врагов ненавидеть.

Только он, Человек,
Вышел сам на бугор
И теперь не боялся упасть,
И Советская власть стреляла в упор
В Человека, в Советскую власть!

В этом месте пионы сейчас зацвели,
Их приходят школьники рвать,
И не знают они,
Да и знать не могли,
Как далась нам Советская власть.

***
Художнику-реставратору
Анатолию Николаевичу Дерябкину

На чёрном зеркале асфальта,
Как в опрокинутой витрине,
Осенний лист горит, как смальта,
В ещё не набранной картине.

И морось плотной поволокой
Запотевает на стекле,
И мне настолько одиноко,
Как будто я не на Земле.

А на краю чужой вселенной,
Где твердь безвидна и пуста
И Бог во Слове сокровенном
Ещё не отверзал уста.

И тьма над бездной нависала,
И нисходило всё на нет,
Но напряженье нарастало,
Что скоро-скоро грянет свет.

И в этом радостном мгновенье
Вновь Землю ощутил живой. —
Мой лист простой,
мой лист осенний —
Кусочек смальты золотой.

13.08.2021

***
Как пахнет сено?! Всё как было,
Не изменился сеновал.
Под самой крышей, за стропилом,
Всё так же дремлет мой кинжал.

Когда-то я с упорством ээка,
Пытаясь жар души унять,
Хотел убить им человека,
Чтоб деву у него отнять.

Но, слава Богу, он дуэли
Моей не принял, а она,
Как выяснилось, в самом деле
Была в себя лишь влюблена.

Забывлась горечь, всё забылось.
И только этот запах трав
Напоминает, как любилось,
В любви надежду потеряв.

И как тогда, лежа на сене,
Стараюсь думать не о зле,
И кажется вся жизнь мгновеньем,
Одним прекрасным на земле.